

天
地
人
道
一
理





С Ю С А К У Э Н Д О

С К А Н Д А Л



INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
Э64

Shusaku Endo

SCANDAL (SUKYANDARU)

Copyright © 1966, The Heirs of Shusaku Endo
All rights reserved

Перевод с японского *Дмитрия Рагозина*

© Художественное оформление *Максима Сазонова*

Эндо, Сюсаку.

Э64 Скандал / Сюсаку Эндо ; [перевод с японского Д. Рагозина]. — Москва : Эксмо, 2024. — 256 с.

ISBN 978-5-04-196840-3

Писатель Сугуро сталкивается с тем, что у него есть двойник, в котором, кажется, сконцентрировалось все самое аморальное, о чем почтенный Сугуро не мог и помыслить. Что если две крайности, добро и зло, не столько противостоят, сколько дополняют друг друга?..

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-196840-3

© Рагозин Д., перевод на русский язык,
примечания, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава 1

Оттого ли, что стул от старости совсем разохся, но когда врач, просмотрев результаты анализов, повернулся к нему, раздался жалобный скрип. С тех пор как Сугуро стал регулярно посещать клинику, он уже свыкся с этим звуком. Обычно скрип означал, что врач собирается заговорить. Так было и на этот раз.

— АСТ — сорок три, АЛТ — пятьдесят восемь¹, не слишком превышает средние показатели, но все же я бы советовал вам соблюдать умеренность. Помнится, как-то раз из-за своей работы вы так переутомились, что подскочило аж до четырехсот!

— Да, было такое.

— При циррозе печени существует опасность развития рака. Так что, пожалуйста, будьте осторожны.

Сразу стало легко и покойно, точно обдало теплым паром. Со времени предыдущего осмотра он много работал и опасался, как бы это не сказалось на его здоровье. Поблагодарив врача, Сугуро подумал, что теперь он может со спокойной душой участвовать в церемонии вручения премии.

¹ АЛТ — аланин-трансаминаза; АСТ — аспарат-трансаминаза.

При виде безмолвного императорского дворца, окутанного пеленой морозящего дождя, на него почему-то всегда находило умиротворение. Это было его любимое место в Токио. Автомобиль, который должен был доставить его на церемонию, ехал вдоль широкого, заполненного водой рва, окружающего дворец.

Сугуро получил премию за книгу, на которую у него ушло три года. С тех пор как он стал писателем, его награждали не раз, и в свои шестьдесят пять он не мог отделаться от мысли — «ну вот, очередная», но все же то, что его книга удостоилась высокой оценки, льстило его самолюбию. Разумеется, это чувство не было главным, и, откинувшись на спинку сиденья, наблюдая за каплями, стекающими по стеклу, он прежде всего испытывал удовлетворение оттого, что в последнем романе смог подвести итог своей жизни и литературной деятельности.

Машина остановилась, швейцар открыл дверцу. От его униформы пахло сыростью. За автоматически раздвинувшимися дверями уже ждал молодой сотрудник издательства, ответственный за церемонию.

— Поздравляю, мы все очень рады, а я особенно...

Куримото был редактором его последней книги и оказывал ему всяческое содействие, помогал подбирать материалы, тщательно организовывал поездки, необходимые для работы.

— Это и ваша заслуга.

— Я ни при чем. Но все равно ужасно рад. Ведь с этой книгой ваше творчество обрело завершенность... Пойдемте в комнату для гостей. Премияльный комитет уже в полном сборе.

Церемония началась точно в срок, указанный в программе. Сугуро, лауреат премии, и члены комитета заняли места на высокой сцене, справа и слева от уста-

новленного в центре микрофона; около сотни приглашенных разместились в зале. Глава издательства выступил с короткой приветственной речью, после чего слово предоставили Кано, одному из членов премиального комитета.

Они были знакомы с Кано уже больше тридцати лет. Оба вступили на литературное поприще почти одновременно. В юности довольно ревниво следили за творческими успехами друг друга. То сходились, то становились непримиримыми врагами и, только когда обоим пошел пятый десяток, наконец поняли, что их разделяет, и с тех пор шли каждый своей дорогой. Обращаясь к залу, Кано стоял скособочившись: как и Сугуро, он в молодости страдал туберкулезом, перенес операцию, отчего одно его плечо всегда оставалось опущенным. В этой кособокости сквозило что-то немощное, старческое. В отличие от Сугуро, которого мучила печень, у Кано уже давно были проблемы с сердцем, и он всегда носил в кармане нитроглицерин.

— Сугуро, живя в Японии, получил христианское воспитание. И это стало для него одновременно и счастьем, и несчастьем.

Будучи опытным оратором, Кано постарался сразу же возбудить интерес аудитории и завладеть ее вниманием.

— Уроженец Японии, Сугуро столкнулся с необходимостью ясно и четко осмыслить то, что для нас, японцев, является в высшей степени смутным и неопределенным — Бога. Неудивительно, что его первые опыты были встречены обидным равнодушием. С первых же шагов в литературе перед ним встала мучительная задача: донести до нас, японцев, не имеющих уши для того, чтобы слышать, как он полагал, самое важное, а именно — Божественный завет. Это было больше тридцати лет назад, только-только окончилась война. Тог-

да-то мы и познакомились. Помню, в то время он постоянно казался чем-то опечаленным.

Тридцать лет назад... Перед глазами всплыл второй этаж маленького, пропахшего запахом старых циновок кабака неподалеку от станции Мэгуро. Летний вечер, на окне покосившаяся, выгоревшая на солнце бамбуковая шторка, с улицы доносится хриплый звук трубы. У стены, где висит календарь, сидят несколько молодых людей, обхватив руками колени; они разносят в пух и прах книгу Сугуро. С календаря надменно взирает красотка в темных очках и в купальнике. В те времена девушки носили темные очки, подражая американкам из оккупационной армии. К стану безжалостных критиков переметнулся и Кано, тогда еще худощавый юнец с выпирающими скулами.

— Все, что ты пишешь, извини, как-то не вызывает доверия, — изрекает некто Сиба, ковыряя мизинцем в ухе. — Разберись вначале в себе, чего ты, собственно, хочешь. А то получается сплошная мозгология, литературой и не пахнет.

Сугуро молчит, ему нечего возразить.

— Ты пишешь о том, чего не испытал на своей шкуре. Если уж так хочется писать о Боге, на здоровье, твое право, но все это нам чуждо, принесено с Запада, а потому отдает чем-то сомнительным.

Разглагольствуя, Сиба бросает на него взгляд исподлобья. Видимо, оценивает, насколько сильно удалось ранить Сугуро.

— Есть же, в конце концов, разница между романом и эссе! Ты вообще задумывался о том, годится ли эта тема для художественной литературы? Повторяю, все это очень сомнительно!

Хочется сказать что-нибудь в свое оправдание, но слова застряли в горле, и без того между ним и его

друзьями как будто пролегла непреодолимая преграда.

Вам не понять трудностей, с которыми сталкивается в Японии верующий христианин, пожелавший стать писателем!..

Промолчав, он заливает обиду остатками пива. Но в то же время и сам чувствует — слова Сибы о том, будто в его произведениях есть что-то сомнительное, не лишены оснований. Что-то такое, что таится на дне его души...

— В те годы Сугуро был в нашей компании постоянной мишенью для насмешек и издевательств. Доходило до того, что мы требовали от него отказаться во имя литературы от христианства. Для нас, людей из послевоенного поколения, религия была всего лишь по Фрейдю — возведением в культ «фигуры Отца», порождением эдипова комплекса, по Марксу — опиумом для народа, короче, нелепым предрассудком, а христианин казался нам образчиком ненавистного японцам лицемерия. Мы никак не могли взять в толк, почему Сугуро не отбросит всю эту религиозную ахинею. Он же принял крещение не по своей воле, в младенчестве, по желанию покойной матери, поэтому нам казалось, что его «вера» всего лишь следствие привычки и лени. Как вам известно, позже Сугуро написал несколько книг, посвященных эпохе, когда в Японии появилось христианство, в них рассказывается о том, как чиновники заставляли христиан отречься от своей веры, и уверен, когда он описывал этих безжалостных дознавателей, перед глазами его стоял ваш покорный слуга.

В зале засмеялись. Сугуро тоже улыбнулся и подумал о том, какой блестящий оратор его друг. Взгляды людей, набившихся в маленький зал, были прикованы к Кано.

— Помню, он возражал нам — человек, однажды уловленный Богом, уже не может убежать от Него. Разумеется, мы считали все это полнейшим вздором. Однако Сугуро на протяжении более чем тридцатилетней писательской деятельности упрямо доказывал свою правоту. Главным направлением его творческих поисков стала попытка понять, каким образом возможно сочетать христианскую веру с японской культурной традицией. Эта мучительная внутренняя борьба воплотилась в ряде его произведений. А ее итог — последний роман.

Вызвать у аудитории смех, а затем, перейдя к серьезным вещам, не отпускать ее внимания — в этом мастерство оратора. Смену настроений, задающих ритм выступлению, можно было легко проследить по лицам нескольких женщин, сидящих в зале отдельной группой. Кано прекрасно это осознавал и время от времени поглядывал на них, точно проверяя эффект, произведенный его словами.

— Однако главная, на мой взгляд, заслуга Сугуро в том, что он не принес литературу в жертву своей вере. Не сделал литературу служанкой столь чуждой нам религии. Короче, будучи писателем, он никогда не гнушался отображать те уродливые, порочные, грязные стороны человеческого существования, которые его религия клеймит, называя злом. Благодаря этому его романы нельзя свести к пропагандистской литературе, обслуживающей какую-то одну идеологию.

Кано знал, чем польстить Сугуро. Да, именно эта проблема одно время была главным источником его душевных терзаний. В него глубоко запал вопрос, заданный ему как-то раз старым священником-иностранцем, человеком, которому он полностью доверял: «Почему ты не пишешь о чем-то более красивом, чистом?»

Этого священника он знал еще ребенком. До войны тот работал старьевщиком в бедном квартале Осаки, помогая больным, присматривая за сиротами, удивительный человек, которого японцы прозвали заморским Рёканом¹, с улыбкой младенца и темно-синими глазами, от которых таяла даже его сурово-непреклонная душа. Глядя на старого священника, Сугуро каждый раз припоминал слова из Евангелия: «Блаженны кроткие...»

И вот однажды тот сказал с искренней печалью на лице:

— На Новый год прочел твой роман. Много сложных иероглифов, но все же кое-как разобрал. Можно задать вопрос?

— Конечно.

— Почему ты не пишешь о чем-то более красивом, чистом?

Слова старика и глубокая печаль на его лице еще долго впоследствии причиняли душевную боль Сугуро, когда он писал, сидя в своем маленьком кабинете.

Несмотря на это, он так и не написал ни одного «красивого», «возвышенного» романа. Его перо упрямо подмечало в героях самые темные, мрачные, уродливые стороны. Будучи писателем, он не мог замалчивать, обходить стороной всю многосложность человека. И однако он отдавал себе отчет, что, изображая темные страсти своих героев, он и сам вольно или невольно подпадает под их влияние. Чтобы отобразить душевное уродство, его собственная душа должна исказиться. Так, описывая ревность, необходимо полностью погрузиться в это состояние, что, разумеется, не проходит бесследно. С каждой книгой он все яснее понимал, ка-

¹ Рёкан (1758–1832) — дзэнский монах, поэт. (Здесь и далее — прим. перев.)

ким смрадом разит от внутреннего мира человека. И описывая этот внутренний мир, он одно время неизбежно вспоминал лицо старого священника и его слова: «Почему ты не пишешь о чем-то более красивом, чистом?»

С тех пор прошло много лет, и, как ему казалось, он нашел для себя ответ на этот вопрос. Давно уже он смутно догадывался, что истинна только та религия, которая не глуха к темной мелодии, звучащей в сердце человека, отзываясь и на какофоническое бряцание, и на пугающий диссонанс. С каждым новым написанным им романом эта догадка крепла в нем, пока наконец он не освободился от последних сомнений.

— В произведениях Сугуро его вера нашла новый смысл, новую ценность в том, что называют грехом. Жаль только, я, человек нерелигиозный, не слишком хорошо понимаю, что это за штука такая — «грех». — Кано замолчал, выдерживая ироническую паузу.

В зале раздались смешки.

— Сочувственно, чуть ли не с любовью описывая человеческую греховность, Сугуро демонстрирует в своих произведениях, что под грехом скрывается блуждающая в темноте жажда воскресения. Он говорит, что в любом грехе, в любом преступлении таится жажда найти путь к спасению, вырвавшись из тисков земного существования. На мой взгляд, в этом, пожалуй, и заключается оригинальность творчества Сугуро. И этот оригинальный взгляд на мир нашел свое наиболее полное выражение в его последней книге.

Кано перешел на задушевный тон, точно отдавшись воспоминаниям:

— Когда я перебираю в уме те тридцать лет, что мы знакомы с Сугуро, мне кажется, что в последние годы

им овладело настроение, которое так прекрасно выражают строки нашего великого поэта:

Один
На пустынной дороге...
Поздняя осень¹.

С каким бы уважением мы, писатели, ни относились к творчеству своих старых друзей, перешагнув пятидесятилетний рубеж, мы уже не способны испытывать на себе их влияние. Все, что нам остается, — это до последнего часа упорно возделывать свой сад. Это касается и Сугуро, и меня...

Кано, продолжая удерживать внимание аудитории, приближался к финалу.

В задней части зала стоял Куримото, молодой редактор, который встретил Сугуро перед началом церемонии. Он помогал запоздавшим гостям найти свободное место и в то же время старался не упустить ничего из того, что происходило на сцене. Сугуро подумал, что надо не забыть поблагодарить этого молодого человека, взявшего на себя неблагодарный труд помогать ему в работе над книгой. Рядом с Куримото стояла девушка-редактор из другого издательства. Он не знал, как ее зовут, но, бывая по делам в этом издательстве, часто сталкивался с ней в коридоре и запомнил ее невысокую фигурку и миловидное личико с ямочками на пухлых щеках. За Куримото и девушкой маячило еще одно лицо.

Сугуро вздрогнул. Он узнал в этом лице... себя! Лицо ухмылялось, не то презрительно, не то насмешливо.

Он протер глаза. За спинами Куримото и девушки никого не было.

¹ Цитируется хайку Мацуо Басё.

Начался банкет.

Возле известных литераторов и художников образовались кружки, и, если закрыть глаза, громкий смех и звуки шагов вместе с другими бесчисленными шумами сливались в монотонный гул — словно толкли пшено в ступе. Часть гостей толпилась у выставленных вдоль стены столов с суси и гречневой лапшой, и среди них выделялись своей белизной напудренные лица официанток.

— Спасибо за прекрасную речь. — Сугуро похлопал по приподнятому правому плечу Кано, который в этот момент рассказывал что-то смешное нескольким редакторам.

— Да брось ты, ничего особенного. — Скрывая смущение, Кано тотчас сменил тему: — Ты, кажется, похудел. Все в порядке?

— В порядке. В наши годы ничего странного, если организм дает сбой.

— Я как раз только что говорил об этом. О том, что в последнее время у меня стала слабеть память. Прочитываю книгу и тотчас забываю, о чем она. Вот и на этом банкете — человек со мной здороваётся, а я не могу, хоть убей, вспомнить, как его зовут.

— Со мной то же самое.

— Как у нас говорится — первыми сдают глаза, зубы и что-то там еще. В моем случае — глаза, память, зубы. О сердце я и не говорю, оно у меня с давних пор пошаливает.

— А как с мужскими делами? — спросил молодой редактор.

— С мужскими? Конечно, силы уже не те. Не знаю, как у тебя, Сугуро... — Кано озорно усмехнулся. — К тому же ты христианин, да и жена у тебя сама добродетель. Бьюсь об заклад, наш дорогой Сугуро, несмотря на

почтенный возраст, так и не сподобился вкусить настоящих плотских утех. Или ты втихаря от нас погуливал?

— Не стану же я выбалтывать вам то, что держу в секрете от собственной жены!

В отличие от прежних лет, ныне Сугуро уже умело парировал подтрунивания своих приятелей.

Постояв еще немного, он отошел, чтобы поприветствовать других гостей. Заметил оживленно беседовавших старейшин литературного цеха — Сэки и Иваситу.

— Сугуро, это твоя лучшая книга, — похвалил его, обнимая, Ивасита, литературный критик, раскрасневшийся, с бокалом вина в руке. Он в свое время учился в том же университете, что и Сугуро, поэтому всегда оказывал ему покровительство. — Правда же? — обратился он за поддержкой к Митио Сэки, тоже литературному критику.

— Нельзя сказать, что вещь абсолютно безупречная, — кисло улыбнулся пухлый Сэки, — но сегодня у нас праздник, поэтому воздержусь от критических замечаний...

— Не обращай внимания. Сэки всегда очень строг.

— Литературный критик обязан быть строгим.

Среди писательской братии подобный «обмен любезностями» в порядке вещей. За тридцать лет Сугуро, бывая на банкетах, в ресторанах, на литературных сборищах, чего только не наслушался о себе. И все же, поднося к губам стакан разбавленного виски и делая вид, что пьет, он задумался о том, что могло не понравиться Сэки в его романе, и, кажется, догадался.

Улыбнувшись и тем давая понять, что критика его мало волнует, он про себя возразил: «В своей книге я подвел итог своей жизни и своему творчеству. Кто бы что ни говорил, это моя жизнь, я сделал все, что считал нужным, и не собираюсь ничего менять».